

А вы на землѣ проживете,
 Какъ черви слѣпые живутъ:
 Ни сказки о васъ не расскажутъ,
 Ни пѣсни о васъ не споютъ!

Къ «Воспоминаніямъ» приложенъ портретъ И. И. Янжула. Олѣ настолько гармонируетъ съ общимъ неуклоннымъ тономъ «Воспоминаній», что, если бы не строгій стиль всего изданія, можно было бы подумать, что это—«нарочно».

Агада. Сказанія, притчи, изреченія Талмуда и Мидрашей. Въ 4-хъ частяхъ. Переводъ съ введеніемъ С. Г. Фруга. По «Сеферъ-Гаагада», составленному І. Х. Равницкимъ и Х. Н. Бяликомъ. Часть І. Одесса 1910.

Слово «Талмудъ» извѣстно и понятно каждому. Тысячелѣтнею работою (отъ V вѣка до Р. Х. по V вѣкъ, включительно, по Р. н.) «соферовъ» (книжники, scribes), «таннаевъ» (учителей) и «амораевъ» (толкователей) сложилось «Устное ученіе» еврейскаго народа, распадающееся на двѣ части: древнѣйшую, Мишну, т. е. Второученіе, и новѣйшую, Гемару,—дополненіе къ Мишнѣ, ея толкованіе и объясненіе. Это—составные пласты, преемственныя формаціи Талмуда. Содержаніе же его заключаетъ два элемента: Галаху и Агаду: «Галаха—сводъ законодательныхъ нормъ, религіозныхъ и гражданскихъ; Агада—кодексъ обще-этическихъ нормъ. Въ Галахѣ этика обрѣла свою логику, въ Агадѣ—свою философію и поэзію». Изъ Галахи средніе вѣка выработали, черезъ ученыхъ, извѣстныхъ подъ названіемъ «сабореевъ» и «гаоновъ», тѣ удивительныя споры богословско-юридической казуистики, которые Г. Гейне характеризовалъ извѣстными стихами:

О гибельномъ яйцѣ,
 Въ шабашѣ курицей снесенномъ.

На почвѣ Агады возникъ и развился особый родъ литературы—«мидраши»: Мидрашъ-Раба, Песикта Танхума и пр. Агада представляетъ, въ широкомъ смыслѣ, комментарий къ текстамъ библейскаго повѣствованія: облеченный въ притчу, въ сказку, въ пословицу, въ афоризмъ и въ то же время, глубоко практической, какъ образный голосъ прикладной морали.

«Простые, но полезныя предметы домашняго обихода»,—таковою почиталась Агада самими творцами и популяризаторами ея. Агада была не только популярной, но въ продолженіи многихъ вѣковъ и единственною формою духснаго общенія съ массою. Тамъ, гдѣ красота и поэзія быта исчерпывалась однимъ, окаменѣвшимъ въ своихъ формахъ, ритуаломъ; въ тѣ времена, когда малѣйшій уклонъ въ сторону чужеземнаго и иноплеменнаго почитался за смертный грѣхъ—Агада была

для народа всё: она была его кафедрой, его сценой и эстрадой, мистерией, сказкой, сатирой, торжественной одой и пѣсенью колыбельной—свѣтомъ и воздухомъ народной души».

Такъ характеризуетъ «Агаду» въ прекрасномъ введеніи къ прекрасному же переводу своему г. Фругъ. Появленіе «изборника» легендъ и изреченій Агады на русскомъ языкѣ—превосходный вкладъ въ русскую литературу, оказывающую въ послѣдніе годы столько вниманія къ «Душѣ еврейскаго народа» и употребляющей столько усилій чтобы душу эту понять и изучить. Агада несомнѣнно таитъ въ себѣ немало ключей къ этому двадцативѣковому секрету.

«Агада пользовалась широкой популярностью въ народѣ. Но это не все. Агада въ то же время являлась несомнѣннымъ продуктомъ народной мысли, народного творчества. Патриархъ и кузнецъ, іерей и башмачникъ, ученый математикъ и портной, и простой сельчанинъ, и пекарь, и могильщикъ, и сынъ поденнаго работника—дровосѣка—вотъ какихъ различныхъ положеній люди были творцами Агады и ея популяризаторами. Тутъ совершался процессъ творческаго взаимообмѣна, какъ между росой и туманомъ, между морской влагой и дождевымъ облакомъ. Агада черпалась изъ родниковъ народной грезы, и ею же орошалась нива народного сознанія.»

Сверхъ того, оказывается, что трудъ г. Фруга рассчитываетъ быть полезнымъ не только русскимъ читателямъ, но еще болѣе отвѣчаетъ насущной потребности русскаго еврейства. Г. Фругъ своимъ переводомъ лишь довершаетъ дѣло сборника «Sefer ha-Agada», составленнаго г.г. Равницкимъ и Бяликомъ (замѣчательнымъ поэтомъ на древне-еврейскомъ языкѣ; «Современникъ» надѣется скорѣ познакомить своихъ читателей съ избранными его произведеніями).

«Огромной части нашего поколѣнія,—констатируетъ г. Фругъ,—а главное—болѣе свѣжимъ и чуткимъ его элементамъ—современной еврейской молодежи (за малыми исключеніями), древнееврейскій языкъ совершенно не знакомъ, и тутъ никакія антологіи, разъ онѣ изданы на языкѣ подлинника, помощи не окажутъ.»

Первая часть Агады, изданная г. Фругомъ,—книга поэзіи удивительной и пестрой, какъ драгоценный азіатскій коверъ. Въ ней есть все—отъ мрачнѣйшей трагедіи до улыбчивыхъ фарсовъ и хохочущихъ прибаутокъ. Она плачетъ и смѣется, мыслитъ и рѣзвится. Поэтому она одинаково умѣстна и въ дѣтской—на столѣ ребенка, ищущаго занимательной сказки, и въ библиотекѣ взрослого любителя народной словесности, который найдетъ въ Агадѣ безконечное множество примитивовъ христіанскаго апокрифа и европейскаго фольклора.

Высоко культурною гуманностью и рыцарскимъ изяществомъ чувства дышитъ большинство народныхъ сказаній, переведенныхъ г. Фругомъ. Вотъ—взглядъ Агады на женщину:

«— Вашъ Бсгъ—воръ, сказалъ кесарь раби Гамліелю: усыпилъ Адама—и у соннаго ребро укралъ.»

— Позволь мнѣ, отець,—сказала дочь р. Гамліеля—отвѣтить вмѣсто тебя.

И, обращаясь къ кесарю, продолжала:

— Я требую правосудія: прошлой ночью къ намъ забрались воры и, похитивъ серебряный кубокъ, оставили намъ кубокъ изъ чистаго золота.

— О, если-бы каждый день посылали намъ боги подобныхъ воровъ!—воскликнулъ кесарь.

— Такъ дурно-ли было для Адама, что взамѣнъ ребра ему дана была женщина?

Изъ сказанія раби Симеона бенъ Манасія:

— Съ материнскою заботливостью Господь собственноручно заплелъ въ косы волосы Евѣ передъ тѣмъ, какъ показать ее Адаму.

Вотъ—образецъ сказки философской: первое столкновение собственниковъ—начало великаго социальнаго спора, кипящаго, не ослабѣвая, отъ первобытности до нашихъ просвѣщенныхъ временъ.

«И сказалъ Каинъ Авелю, брату своему:

— Подѣлимъ міръ между собою.

— Подѣлимъ,—согласился Авель.

Взялъ Каинъ землю, а Авель стада. И условились не затрагивать одинъ владѣній другого.

Погналъ Авель свои стада въ поле, а Каинъ кричитъ ему: «Земля, по которой ты ходишь, моя!»—«А одежда, которая на тебѣ, не изъ шерсти—ли моихъ овецъ сдѣлана?»—отвѣчаетъ Авель.

— Прочь съ моею земли!

— Долой одежду изъ моею шерсти!

Погнался Каинъ за Авелемъ по холмамъ и долинамъ, пока не настигъ его. Завязалась борьба. Не выдержалъ Каинъ, упалъ и, прижатый къ землѣ, сталъ молить о пощадѣ: «Авель, братъ мой! Насъ двое на землѣ. Умертвивъ меня, что ты отвѣтишь отцу нашему?» Сжалился Авель надъ Каиномъ, освободилъ его. Всталъ Каинъ и убилъ Авеля.»

Какъ всякій фольклоръ, легенды и притчи Агады даютъ несравненно больше матеріала къ ободренію и подъѣму духа въ народѣ, чѣмъ къ укору его и нравственному устрашенію. Но вотъ—наглядный примѣръ, насколько многовѣковая еврейская мысль чужда была національнаго самохвальства и не боялась обличенія расовыхъ язвъ.

«И онъ убилъ Египтянина и скрылъ его въ песокъ. И вышелъ онъ на другой день, и вотъ, два еврея ссорятся; и сказалъ онъ обидчику: «зачѣмъ ты бьешь ближняго твоего»? А тотъ сказалъ: «кто поставилъ тебя начальникомъ и судьбою надъ нами? Не думаешь—ли убить меня, какъ убилъ египтянина»? Моисей испугался и сказалъ: «сомнѣнія нѣтъ,—дѣло это раскрыто!»

Размышляя надъ судьбою роднаго народа, Моисей спрашивалъ себя: «Чѣмъ такъ согрѣшилъ этотъ народъ, что отданъ въ рабство египтянамъ?» Услыша—же слова того израильянина, Моисей сказалъ:

«сомнѣнія больше нѣтъ, дѣло это раскрыто—я теперь знаю, за что постигла израильтянъ тяжелая судьба ихъ: согляда та й ствѣ развито среди нихъ,—и достойны—ли они быть избавленными отъ рабской доли своей»..

Изъ приведенныхъ отрывковъ читатель легко составитъ понятіе о прекрасномъ русскомъ языкѣ, въ который талантливый С. Г. Фругъ облекъ еврейскіе образы Агады. Издана книга чисто и дешево.

Великая реформа. Русское общество и крестьянскій вопросъ въ прошломъ и настоящемъ. Редакція А. К. Дживелегова, С. П. Мельгунова, В. И. Пичета. Историч. комиссія учебнаго отдѣла О. Р. Т. З. Юбилейное изданіе. Т. I-й. Изд. Т-ва И. Д. Сытина. Москва. 1911 г. Цѣна 25 р. по подпискѣ.

Появленіе настоящей книги вызвано предстоящимъ 50-лѣтнимъ юбилеемъ освобожденія крестьянъ. Это,—такъ сказать, первая ласточка знаменательной юбилейной весны. Литература о крѣпостномъ правѣ у насъ очень бѣдна, и труды такихъ выдающихся ученыхъ, какъ В. И. Семевскій, В. О. Ключевскій, проф. Ивануковъ, даютъ почти исчерпывающее представленіе о природѣ крѣпостного права въ Россіи и о состояніи крѣпостной Россіи. Но работы, въ которой совмѣшались бы ретроспективное и проспективное изученіе крестьянскаго вопроса, въ центрѣ котораго стоитъ паденіе крѣпостного права, еще не существуетъ. «Великая реформа», повидимому, обѣщаетъ быть именно такою книгою. Если притомъ принять во вниманіе, что участники этого коллективнаго труда разсматриваютъ крестьянскую реформу подъ угломъ зрѣнія, чуждымъ лирико-романтической оцѣнки освободительнаго акта, господствовавшей до конца прошлаго вѣка, то значеніе такой книги именно теперь, черезъ полвѣка послѣ отмѣны рабства, станетъ вполне понятно и значительно.

Первая книга «Великой реформы» представляетъ большой, великолѣпно, даже роскошно изданный томъ, снабженный множествомъ иллюстрацій. Такихъ книгъ предположено выпустить нѣсколько. Въ первый томъ вошло 14 статей различныхъ авторовъ; всѣ статьи, въ послѣдовательномъ порядкѣ, даютъ характеристику состоянія крестьянства и русскаго общества въ первыя два столѣтія существованія крѣпостного права, начиная отъ его, юридическаго выявленія въ концѣ XV вѣка и кончая эпохою Екатерины II. Вотъ наиболѣе характерныя статьи: проф. М. К. Любавскій—«Начало закрѣпощенія крестьянъ», проф. Герье—«Крестьяне въ XVII столѣтіи», проф. М. М. Богословскій—«Введеніе подушной подати и крѣпостное право», акад. А. С. Лаппо-Данилевскій—«Екатерина II и крестьянскій вопросъ», проф. В. И. Семевскій—«Крестьянскій вопросъ въ литературѣ Екатерининскаго времени», «Дворянскій и крестьянскій вопросъ въ нака-